

В. С. Толстиков

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ УРАЛА В 40—50-е ГОДЫ XX ВЕКА

V. S. Tolstikov

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PRIVATE OF CITIES OF THE URALS IN THE 40—50TH YEARS OF XX CENTURY

В статье рассматриваются малоизвестные страницы реализации отечественного атомного проекта, относящиеся к формированию закрытых городов.

Ключевые слова: *ядерный комплекс, закрытые города, Челябинск-40, Свердловск-45, жилищно-бытовые условия, инфраструктура, сфера досуга.*

The article deals with little-known implementation of the nuclear project, related to the formation of the closed cities.

Keywords: *nuclear complex, the closed city of Chelyabinsk-40, Sverdlovsk-45, living conditions, infrastructure, recreation area.*

В России города, созданные в местах расположения предприятий ядерно-оружейного комплекса, называют «атомными», закрытыми городами. Позже их официально стали именовать закрытыми административно-территориальными образованиями (ЗАТО). По своей функциональной структуре закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) принадлежат к городам особого типа, характерные для эпохи современной научно-технической революции.

Основу этих городов составляют предприятия ядерного комплекса, научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, опытные заводы и испытательные полигоны, мощные строительные и монтажные организации. Атомные города создавались в условиях режима строгой секретности как элитарные, изолированные от внешнего мира поселения: в них высок уровень производственной и социокультурной инфраструктуры. За годы и десятилетия изолированной жизни в каждом из поселений сформировались свой микроклимат, ментальность населения.

Из десяти закрытых городов бывшего министерства среднего машиностроения (ныне Росатом России) пять находятся на Урале, расположившись по меридиану, вдоль Уральских гор, на расстоянии почти 500 километров. В Челябинской области таких городов три: Озерск, Снежинск, Трехгорный. Из соображений секретности у них часто менялись названия. Город атомщиков Озерск, например, сначала назывался База-10, затем Челябинск-40, Челябинск-65, хотя от областного Челябинска до него почти 100 километров. Снежинск в свое время носил название Челябинск-50, Челябинск-70, а Трехгорный — Златоуст-20, Златоуст-36. Два закрытых города находятся в Свердловской области: Новоуральск (Свердловск-44) и Лесной (Свердловск-45).

История уральских атомных городов начинается с принятия постановлений Совета Министров СССР от 1 декабря 1945 года о строительстве заводов № 813 и № 817, завода № 814 от 6 июня 1947 года. Постепенно вокруг завода № 813 стали вести строительство Свердловска-44, а в нескольких километрах от завода № 817 — Челябинск-40 и завода № 814 — Свердловска-45. Это были первые поселения уральских атомщиков. Их по праву можно считать своеобразными протогогородами ядерной эпохи, первенцами атомного комплекса не только на Урале, но всей атомной промышленности страны. Многие другие закрытые города создавались с учетом уже их опыта.

Следует отметить, что на рубеже 1940—1950 гг. поселения атомщиков создавались и развивались в качестве рабочих поселков при строящихся особо режимных ядерных объектах. В связи с тем, что у высшего руководства страны на период создания атомной отрасли не было еще четкой ясности относительно перспектив ее развития, жилые поселки намечали построить только для эксплуатационного персонала. Так, для завода № 817 постановлением правительства планировался жилой поселок всего на 1300 человек, а для завода № 814 — 1500 человек. Затем в соответствии с генеральным планом строительства этих заводов, принятым в апреле 1946 года, пришли к выводу о сооружении поселков на 5000 человек каждый¹. Предусматривалась застройка поселений атомщиков одно— и двух этажными домами, оснащенными централизованной системой коммуникаций жизнеобеспечения.

Однако вскоре все эти первоначальные планы пришлось менять коренным образом. Начавшаяся в конце 1940-х— начале 1950-х гг. гонка ядерных вооружений, потребовала сооружения все новых и более мощных ядерных объектов, притока больших контингентов работников. Вместо изначально наме-

ченных небольших жилых поселков, в ранее глухой необжитой людьми местности, стали со временем формироваться целые города атомщиков, в которых проживали десятки тысяч жителей.

На строительство атомных предприятий, которые сооружались ударными темпами, а также жилых поселков направлялись дополнительные кадры строителей, возраст большинства которых не превышал 30 лет. Одновременно со строителями на сооружаемые производственные объекты прибывали кадры специалистов, ученых, лучших выпускников вузов страны.

Эксплуатационному персоналу, научной элите необходимо было создать в таежной глуши хорошие жилищные условия для того, чтобы они не испытывали социально-бытовых трудностей, а весь свой творческий потенциал направляли на скорейшее создание ядерного оружия. Что касается десятков тысяч строителей, занятых на сооружении ядерных промышленных объектов и жилых поселков, то их руководители атомного проекта рассматривали в качестве временных жителей. Они должны были построить атомные предприятия и поселки для эксплуатационного персонала, а затем покинуть эти запретные места навсегда. Поэтому в первые годы, как военные, так и вольнонаемные строители жили в бараках, палатках, щитовых домиках и юртах, или с подселением в соседних населенных пунктах.

Численность только работающих в строительно-монтажных коллективах, без учета членов их семей, по состоянию на 1 июля 1947 года, составляла на стройплощадке завода № 817 42 тысячи человек и около 30 тысяч — на заводе № 814².

К лету 1948 года сложилась критическая ситуация с обеспечением жильем работников строящихся атомных городов. За весь предыдущий год в Челябинске-40 построили всего 5 домов, которые в основном приспособили под общежития, разместив в них 260 человек. Кроме жилья в поселке велось сооружение здания заводоуправления, школы, столовых. Ветеран химкомбината «Маяк» Ольга Степановна Рыбакова в связи с этим вспоминает: «На главной улице будущего города в 1947 году появилось несколько двухэтажных домов. В мае заводоуправление переехало из барака в построенное для него здание (ныне это дом № 40 по проспекту Ленина). В правом крыле открылась столовая. Будущий проспект обещал быть красивым и необычным. Посреди улицы по инициативе первого директора П. Т. Быстрова сохранялась аллея из могучих сосен, которая и сейчас радует нас жителей всего города»³.

Ко времени пуска первого промышленного атомного реактора на заводе № 817 ввели в эксплуатацию жилые помещения барачного типа, отдельно брусчатые и щитовые дома. Всего на 1 июня 1948 года было построено 5 двенадцатиквартирных домов 42 финских дома. Общая полезная площадь этого жилья составляла лишь 11,4 тыс. м². Требовалось же его в то время в несколько раз больше⁴.

Значительная часть заводчан не имела элементарных жилищных условий, ютилась в слабо приспособленных помещениях. В первые годы в строящихся жилпоселках крайне медленно велись работы по благоустройству вокруг строящихся и

зданных в эксплуатацию домов. У построенных зданий не было подъездов и тротуаров, не производились нужные планировки, построенные дороги не имели кюветов, отсутствовала ливневая канализация. Улицы приходилось переходить после сильных дождей почти по колено в воде. Seriously отставало строительство санитарно-очистных сооружений. Инженерно-техническим работникам, квалифицированным рабочим, прибывшим на закрытые объекты, часто не по своей воле, пришлось переносить многие жизненные невзгоды, что вызвало справедливые жалобы и нарекания с их стороны. А самое главное, ставило под угрозу их успешную работу по пуску и освоению сложного и опасного ядерного производства. Подобная ситуация с жильем вызывала определенное беспокойство у центральных и местных органов власти.

18 июня 1948 года на закрытом заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б) был заслушан вопрос «О ходе жилищного и социально-бытового строительства на комбинате № 817». В постановлении бюро обкома отмечалось, что, несмотря на специфические условия комбината, связанные с его стратегической значимостью, жилищное и культурно-бытовое строительство резко отстает от уровня промышленного и от потребностей людей в удовлетворении их неотложных бытовых и культурных нужд. В этом документе резкой критике было подвергнуто руководство строительного управления № 859, которое с точки зрения областного партийного органа проявляло недооценку особой роли по созданию нормальных жилищных и культурно-бытовых условий для атомщиков.

Однако и после принятия постановления бюро Челябинским обкомом партии положение с обеспечением трудящихся жильем все еще оставалось крайне тяжелым. По состоянию на 10 июля 1948 года на двухъярусных койках проживало 1012 человек, в том числе 560 человек буквально ютились в казарменных помещениях по 80 человек в одной комнате. В летних верандах проживало 55 семей, в сараях — 18 семей, а в комнатах, площадь каждой из которых составляла 12—14 м², размещалось 40 семей⁵.

Аналогичная во многом обстановка с жильем была и в других закрытых поселениях атомщиков Урала. Так, после проверки состояния жилищного строительства на комбинате № 814, бюро Свердловского обкома ВКП(б) на своем закрытом заседании заслушало начальника строительства Д.С. Захарова и начальника политотдела С. Д. Алексеева о реализации мероприятий по жилищному культурно-бытовому строительству. Руководители стройки на этом заседании подверглись резкой критике за медленный ввод жилья в эксплуатацию. Бюро Свердловского обкома ВКП(б) разработало ряд конкретных мероприятий по оказанию помощи руководству стройки в ускорении жилищного и культурно-бытового строительства.

Активное вмешательство областных комитетов партии в ускорение темпов жилищного строительства дало определенные положительные результаты. Так, уже к 1 сентября 1948 года на стройплощадке комбината № 817, строители ввели в эксплуатацию

22 627 м² жилплощади, а на комбинате № 814 около 15 000 м². В этом же году в Челябинске-40 было построено первое школьное здание (ныне в этом здании находится станция юных техников), клуб имени Ленинского комсомола, затем — стадион «Строитель»⁶.

К началу 50-х годов ситуация с жилищно-бытовым строительством стала меняться самым радикальным образом в лучшую сторону.

Решения правительства, принятые в 1948 году, о строительстве второго, а затем еще ядерных реакторов, дали серьезный импульс к значительному расширению жилпоселков для производственного персонала кабинета № 817. Аналогичные решения вскоре были приняты и по строящимся атомным комбинатам в Свердловске-44 и Свердловске-45.

24 мая 1949 года на совещании партийно-хозяйственного актива Базы-10 (Челябинска-40) впервые был вынесен на обсуждение вопрос «О ходе жилищного и культурно-бытового строительства».

Высокие требования были предъявлены участниками этого совещания к проектированию закрытых городов, созданию необходимой социокультурной среды. Так, главный инженер завода № 817 Е. П. Славский, будущий министр среднего машиностроения СССР, в своем выступлении на активе отметил: «Речь идет не просто о строительстве жилья, речь идет о строительстве города. Мы хотим построить прекрасный город в самый кратчайший срок. И то, что сделано за два с лишним года, говорит о том, что мы это способны сделать и, безусловно, сделаем»⁷. Хотя официально город как таковой еще не существовал, Славский с полной уверенностью говорил о его создании, перспективах развития.

Следует отметить, что проектирование и строительство первых закрытых городов представляло собой довольно сложную проблему. Приходилось учитывать массу различных факторов, нередко далеких от градостроительства и архитектуры.

С одной стороны поселения атомщиков должны были стать настоящими городами, но одновременно функционировать в условиях жесткого режима, строгой изолированности от внешнего мира.

Специфика таких поселений состояла и в том, что здесь сосредотачивалась особая по тому времени элита ученых, специалистов, инженерно-технических работников, рабочих и служащих. Всем им требовалось создать должные условия для жизни, с учетом особенностей их труда, в изолированном от внешнего мира пространстве. Со всеми этими проблемами приходилось постоянно считаться, иметь их в виду при проектировании и строительстве закрытых городов.

Необходимо отметить, что атомное ведомство, тогда ещё только новорожденное, никогда не руководствовалось остаточным принципом при решении жилищных и бытовых проблем. По воспоминаниям ветеранов атомной отрасли большой заслугой И. В. Курчатова является то, что он лично пробивал «наверху» многие вопросы социокультурного назначения. В связи с этим любопытно следующее сравнение. Так, руководитель Манхэттенского проекта или как его ещё называют «американский Берия», генерал Л. Гровс, делает любопытные признания

в своей книге «Теперь об этом можно рассказать», когда пишет об убогости культурной жизни во время строительства плутониевого комбината в Хэнфорде (во многом аналогичного химкомбинату «Маяк» в Челябинске-40).

Л. Гровс сообщает следующее: «Жизнь для многих оказалась неинтересной, так как никаких развлечений не было, если не считать самых простых, которые они смогли самостоятельно организовать. У нас не было ни симфонических оркестров, ни опер, ни театров, ни лекций на какие-либо культурно-просветительские темы».

В отличие от американских атомных центров Хэнфорда или Ок-Риджа культурная жизнь в уральских закрытых поселениях была совсем другой, хорошо организованной, довольно интенсивной.

В Челябинске-40 был построен и сдан в эксплуатацию драматический театр, в самый напряженный и ответственный период строительства ядерных объектов — 28 октября 1948 года. Театры, дворцы культуры, клубы, библиотеки и стадионы стали настоящими центрами культурной жизни атомщиков.

По инициативе И. В. Курчатова в Челябинске-40 был создан профессиональный симфонический оркестр, в составе которого играли отличные музыканты, выпускники консерваторий Москвы, Ленинграда, Свердловска. На озере Иртяш находился эллинг, где имелись не только яхты-шверботы, но и настоящие килевые яхты вплоть до шхерного крейсера. И все это не для прогулок начальства, а для большой яхт-секции, где занимались водными видами спорта сотни молодых людей.

Руководство страны и атомной отрасли хорошо понимало, что от жилищно-бытовой устроенности, социокультурной сферы, комфортного проживания создателей отечественного ядерного комплекса во многом будет зависеть эффективность их основной деятельности.

Как известно, реализация советского атомного проекта происходила в крайне сложных условиях послевоенной разрухи и потребовала мобилизации не только значительных материальных и финансовых ресурсов, но и морально-духовного потенциала многих десятков тысяч строителей, производственного персонала первых ядерных объектов новой отрасли промышленности.

Поселения атомщиков относительно быстро переросли рамки обыкновенных рабочих поселков. Их инфраструктура, численность населения, которая к началу 1950-х годов в Челябинске-40 и Свердловске-44 превышала в каждом из них 40 тысяч человек и несколько меньше была в Свердловске-45, в полной мере соответствовали критериям городов. Сами жители уже давно их именовали то «соцгородами», то «зонами». Наконец, 17 марта 1954 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР первые поселения атомщиков получили статус городов. Поселок комбината № 817 преобразовали в город Озерск, комбината № 813 — в город Новоуральск, и комбината № 814 — в Лесной. Но еще длительное время, вплоть до начала 90-х годов атомные города по-прежнему носили старые зашифрованные названия — Челябинск-40 (Челябинск-65), Свердловск-44 и Свердловск-45

Так как Указ Президиума Верховного Совета РСФСР был секретным, то названия закрытых городов не публиковались в печати, не значились они в справочниках административно-территориального деления страны, на географических картах и пр.

В результате этого часто возникали всевозможные недоразумения и сложные ситуации, доходящие порой до курьезов. Например, документы, выдаваемые жителям закрытых городов, нередко вызывали определенные подозрения у работников различных учреждений, считались или незаконными, или вообще не принимались.

В целом же предоставление жилпоселкам атомщиков статуса городов можно с полным правом считать завершением первого самого сложного этапа формирования и развития закрытых городов, ставших неотъемлемой частью ядерно-оружейного комплекса Урала.

Примечания

1. Атомная бомба. 1941—1954 // Атомный проект СССР. Документы и материалы / под общ. ред. Л. Д. Рябева; М-во РФ по атомной энергии. — М. ; Саров, 2000. — С. 73, 83, 192—202.
2. Новоселов В. Н., Толстиков В. С., Клепиков А. И. История Южно-Уральского управления строительства, — Челябинск : НИК, 1998. — С. 821.
3. Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайна «Сороковки». — Екатеринбург : Уральский рабочий, 1995. — Изд. 2-е, исп. и доп. — С. 357.
4. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 32. Л. 72.
5. Там же. — Д. 30. Л. 3—4.
6. Там же. — Д. 48. Л. 78—79.
7. ОГАЧО. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 14. Л. 15—17.

Поступила в редакцию 22 июня 2011 г.

ТОЛСТИКОВ Виталий Семенович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Челябинская государственная академия культуры и искусств. Научные интересы связаны с историей культуры и высшего образования, историей создания и развития отечественной атомной промышленности. E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

TOLSTIKOV Vitaly Semenovich — Doctor of Historical Sciences, professor, head of the history of Chelyabinsk State Academy of Arts and Culture. Research interests include the history of culture and higher education, history and development of domestic nuclear industry. E-mail: kaf-ist@chgaki.ru